

Фольклористика

УДК: 398(=511.152):398(=161.1)(045)

Е. Н. Ваганова, Н. В. Шестеркина

‘ГРОЗА’ КАК ПРИРОДНАЯ СОБЫТИЙНАЯ СИТУАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МОРДОВСКИХ И РУССКИХ ЗАГАДОК)

Материалом для статьи послужили народные загадки о природном комплексном явлении ‘ГРОЗА’ в мордовских (мокша и эрзя) и русском языках, в которых реализуются этнические комплексы и отдельные единицы данной ситуации в том или ином языке. Выбранный материал позволяет охарактеризовать механизмы взаимодействия языка и культуры посредством мифологии и мифопоэтики, перцепции, а также видеокода (включающего в себя этимологию и мифометафоризацию), тактильного и аудиокодов, атрибутов и аксиологии. Такой комплексный подход позволяет подробно описать и определить взаимоотношения человека (Наблюдателя двух национальностей) и природы (Наблюдаемого) в плане перцептивной и оценочной ситуации. Выбранный нами подход, объединяющий дефиниционный и когнитивно-семантический анализ, а также алгоритм исследования эмотивного потенциала концепта ‘ГРОЗА’ определяют его новизну, актуальность и своевременность проводимого анализа.

Ключевые слова: сопоставительный аспект, народные загадки, Наблюдатель, природный комплекс, событийная ситуация, мифология, видеокод, аудиокод, аксиология

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-606-617

Анализ языка природы полиаспектного концепта ‘ГРОЗА’ проводится на материале мордовских и русских загадок, рассматриваемых как аналог фрагментов прошлой реальной действительности. По своему содержанию материалы загадок касаются видимого, конкретного мира вещей и явлений, окружавших человека, но близких и необходимых. Ситуативный подход способствует получению системных результатов при изучении антропоависимых лингвистических категорий и реалий, таких как коммуникативная, оценочная, эмотивная, событийная и когнитивно-информационная ситуации [Гробицкая 2013; Карасик 2015].

Небо само по себе есть воплощение мощи и святости. Согласно мировоззрению древней мордвы, миром управляли Божества. Поклонение Богам способствовало в определенной степени четкой организации семейно-бытовой и хозяйственной деятельности. При сильной засухе обращались к *Пурьгинепазу* (*пизем* – ‘дождь’, *паз* – ‘бог’) с просьбами о дожде. В молитвенных обращениях встречается еще одно божество – *Ендолпаз* (божество молнии). Эти Божества (податель дождя, источник грома и молнии), равно как и их функции часто отождествляются, совмещаясь в едином образе *Пурьгинепазы*. Тенденция к обожествлению грозных атмосферных явлений в виде грома и молнии у мордовского народа связана с возникновением земледелия. Достоверное знание мифологического контекста, этимологического материала, устно-поэтического творчества, воплощенное в народных загадках, помогает уловить взаимоотношения человека и природы.

Раньше гроза в России считалась Божьим наказанием. Представление о грозе как живом существе связано с национальной спецификой восприятия времен года. Так, сопоставляя средства языковой репрезентации времен года, люди видели, что кроме животных, существуют и антропоморфные образы, представляющие мифопоэтические концепты в формах человекоподобных живых существ, земного и одновременно внеземного происхождения. Постепенно у русского народа *гроза* стала образом, формирующим русский характер, национальный дух, который царствует на безграничных просторах России.

В старинных загадках (мифопоэтике) природа предстает как иерофания – проявление сакрального, Божественного начала. Законы природы – это откровение, подтверждающее существование Бога. Описания грозы, грома, молнии, града как атрибутов Божества в народной религии одновременно выражают идею священного в мифологии: молния – атрибут Божества неба – мужского космического начала; гром – явление, ассоциируемое с небом, выражает идею верховенства, доминирования, также

гром – проявление присутствия Бога, его воли и его суда [Мещерякова, Шестеркина 2016, 100]. По мнению язычников, слова, обозначающие Божественную стихию, соотносились со словами фаллического значения. Причина грозы, грома, молнии, бури заключалась в том, что Божество разрывало небо, чтобы оплодотворить землю. Звук грома считался символом творящего Божества [Маковский 1996, 308].

Природа может выступать как подобие человека: она и сама мыслится в человеческом образе. На этом основан принцип **антропоморфизма**, который позволяет видеть в природных явлениях аналог человеческих действий [ССЗ 2006, 157]. **Антропоцентризм** успешно сближает науки, разрабатывающие направление о человеке и ради человека, находя новые пути и методики изучения и описания категорий и понятий, взаимодействующих с ним [Хомякова 2003; Болдырев 2017; Заботкина 2017]. Природа и человек тесно связаны. Анализ природы проводится на материале мифопоэтических текстов загадок о ‘ГРОЗЕ’. Человек – часть природы, коллективный *Наблюдатель*. С его возникновением появляется и *Наблюдаемое* – единое целое, «картина мира, которая создается всей совокупностью когнитивно-перцептивных механизмов взаимодействия Наблюдателя с миром» [Верхотурова 2008, 160].

При анализе мы используем *ситуативный подход*, к нему довольно часто обращаются исследователи [напр., Хомякова, Петухова, Тимченко 2018]. Для нас актуальны *событийная* и *оценочная ситуации*, а также их пространственно-временные параметры, т.е. особенности языковой репрезентации в тексте перцептивных и рефлексивных процессов, так же, как и эмоциональных состояний *Наблюдателя*, взаимодействующего с природой. Интересно проанализировать эмоциональную составляющую самого концепта ‘ГРОЗА’ и установить, как *Наблюдаемое* воздействовало на древнего *Наблюдателя*. Анализ картины природы как ее репрезентанта позволяет выявить и описать спектр восприятия природных явлений, а также ответного влияния природы на человека, которое декодируется в соответствии со спецификой языковой и лингвокультурной картин древнего мира. В основе анализа лежит положение, присущее человеку, когда он пропускает образ ситуации ‘ГРОЗЫ’ сквозь призму сознания во время восприятия, сравнения, оценки в зависимости от полученной информации.

В лингвокультурном сознании подобные ситуации можно определить как *серийные*: они являются закономерной особенностью природо- и мироустройства. Здесь же присутствуют и причинно-следственные связи: предыдущее *событие*, например, *гром* – причина последующего *события* такого же рода, например, *молния*. Поэтому ситуацию ‘ГРОЗА’ можно назвать *событийной*. В нашем случае анализируется зрительная, слуховая и тактильная перцепция Наблюдаемого, являющегося объектом восприятия для субъекта *перцептивной ситуации*. В материале загадок передается перцепция, рефлексия на нее и оценка природных событий. В ситуациях загадок участвует субъект, представленный имплицитно: *Наблюдатель*, – участник описываемых событий, где часто также имплицитно выражены действия во время событийной ситуации. *Наблюдатель* пропускает через себя все проявления природы, связывает их с уже имеющимися знаниями, сформировавшимися в сознании образами, и выражает к ним свое отношение.

Большую группу составляют загадки *с предикатами звучания*. Наблюдатель использует уже имеющиеся у него некие знания, перцептивный опыт. Он вспоминает то, что видел когда-то в прошлом, и что ему не понравилось (т.е. отрицательная) или понравилось (положительная оценка). Чаще восприятие звуков природы, их оценка и сравнение возвращают приятные или неприятные воспоминания из прошлого окружающей природы.

В научной статье о грозе М. В. Сапрыкина отметила только функцию ветра [Сапрыкина 2018], а И. В. Мотеюнайте в той же статье сделала акцент на использовании В. Набоковым эпизода пророческой силы бога Илии с его учеником Елисеем [Мотеюнайте 2016]. Целью диссертации О. С. Фисенко послужило соотношение обыденного и научного в материале концепта ‘ГРОЗА’ в русском языковом сознании и его моделирование как образного компонента когнитивной картины мира. Для этого автор провела перцептивный эксперимент с участием более ста человек, выявив разграничение эмоциональной, гедонистической, утилитарной и эстетической оценок. Выяснилось, что ‘ГРОЗА’ – комплексное многоуровневое образование, его границы определяются лишь через описание совокупности концептов в отношениях дополнительности (*гроза* – это *молния* + *гром* + *осадки* + *состояние атмосферы* + *ветер*), что определило концепт как композитивный, с нечетким, диффузным содержанием, проявившемся как в области обыденного, так и научного сознания [Фисенко 2005].

Вслед за Т. В. Топоровой, мы изучаем материал с точки зрения мифологии, трактующей происхождение денотата в древней мифопоэтической модели мира, перцепции, описывающей объект с по-

зиции восприятия носителями архаической мифопоэтической и фольклорной традиции, и аксиологии, интерпретирующей ценность объекта в пространстве загадки [Топорова 2016]. Начнем с мордовской мифологии.

1. Мифология

Божество **грома** *Атям-шкай* (мокша [далее м.]). *škaĵ* ‘бог’; ‘небо’) и *Пурьгинепаз* (эрзя [далее э.] *paĵ* ‘бог’) – один из главных Божеств мордовской мифологии. На его образ повлиял языковой ареал Балтии и балто-славянские традиции, т. к. само обозначение грома Громовником заимствовано из литовского (*Перкунас*) и славянского (*Перун*) языков. Поволжская мордва заимствовала как некоторые фрагменты «основного мифа» у балтов, так и имена Громовников, не подвергая инверсии исходных ролей главных персонажей и сохранив в мордовской традиции функции Громовника в неизменном виде [Петрухин 2006, 31]. У мордвы, в отличие от поволжских финнов, сохранились в полном виде мифологические сюжеты, связанные с женитьбой Громовника на земных девушках, их имена не распространены среди славян, но иногда встречаются в латышском и литовском фольклоре. Пурьгинепаз у мордвы-эрзи имеет власть над громом, молнией, дождем и градом. При его движении по небу из-под копыт коней огненной масти и колес запряженной колесницы летят искры и молнии [Юртов 1883, 129; Смирнов 2002, 194]. Бог бывает сердитым и злым или творит добро. Громовник мог убить громовыми стрелами *puŕgiĵne-łedima*. По поверьям, он стреляет камнями с голубиное или куриное яйцо, поэтому круглые мелкие булжники называют *puŕgiĵne-keŵ* [Raasonen 1994, Bd. 3, 1854]. В гневе Громовник побьёт градом или молнией убьёт, если смилуется, одарит тихим дождем. Говорили, «когда гром гремит, это Бог разыскивает черта, который прячется в это время в улей, трубу, перепаханную от чужого загона борозду и т.д.» [Raasonen 1994, Bd. 3, 1853]. Иногда молнию представляли в виде Божества *Ёндолтаза*. Люди боялись грома, обращаясь к Громовнику с молитвенными просьбами, связывая природные явления с действиями небесных божеств, проводили обряды жертвоприношения, при засухе просили о дожде.

Русские мифы о грозе связаны с *водой*, они относятся к этиологическим, где объясняются причины происхождения мира, внешний облик существ, неживой природы, их отличительные признаки. По древним представлениям, *Тучи* – это небесные стада коров, быков или овец, которые водят по небу утопленники, висельники или заложные покойники. Видя надвигающуюся *тучу*, люди читали заклинания, мольбы отвести *тучи* от села. У людей преобладало представление, что грозовые *тучи* гонят по небу св. Илья [СМ, 468–469]. *Гром* в народной традиции – карающее орудие небесных сил – Бога, Ильи Пророка, Перуна. Часто *гром* объясняли, что Илья ездит по небу на колеснице с огненными конями, что Илья или Бог кидают с неба камни. Повсеместно верят, что Бог, Илья и небесный змей *громом* поражают дьявола, и черта, которые, прячась, забираются в воду, под дерево или камень. Поэтому в грозу людям нельзя прятаться под деревом или в воде [Там же, 120–121]. *Молния* – явление природы, связываемое с *небесным огнем* и *громом*, а также с персонажами мифологии. *Молния* связана с Божеством-Громовником, преследующим противника [СД, 280]. *Молния*, атрибут верховного существа, считается эмблемой суверенной власти. Это также фаллический символ, атрибут божества неба как мужского космического начала, в этом случае гроза предстает как соитие земли и неба [ССЗ, 116]. *Град* в представлении народа – кара Божья, наказание за несоблюдение установленного порядка и грехи.

2. Перцепция

В процессе познания информация, которой оперирует человек, оказывается получена с помощью *сенсорных процессов* при непосредственном взаимодействии органов чувств с объектами окружающей среды [подробно см.: Мещерякова 2011]. Вместе с ощущениями, представляющими собой чувственное отображение реальности, выделяется несколько разрядов номинаций грозы; при этом мы проводим анализ фольклорно-мифологических данных, учитывая атрибуты и предикаты соответствующих лексем, их ассоциации и этимологии.

Природно-ландшафтный код: в мордовской традиции фольклора это: м. *ковол*; э. *пель*, *коволкс*; м., э. *ёндол*; м. *атям*, э. *пурьгине*; м., э. *цярахман*; м. *атям*, э. *пурьгине*. В русской традиции: *туча*, *молния*, *гром*, *град*, *гроза*,

Видеокод используем в обозначениях выделенных лексем в загадках. Лексический ряд зрительной семантики представлен в корпусе мордовских загадок. **Тучи, гроза:** *Пацяфтома лии, / Крғанарьф-*

тома ювади. – 'Без крыльев летит, / Без горла ревет'. **Туча, дождь, гроза:** *Лиш пацяфтома, / Моли пильгфтома*. – 'Летит без крыльев, / Идет без ног'. *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди*. – 'Смеется, плачет, / Слезу роняет'. **Гром:** *Аш кургоц, аш кялец, / А пилет панды вайгялец*. – 'Нет ни рта, ни языка, / А голос всех оглушает'; *Вярибантт тандады, / Алубантт кашанды*. – 'На горе ржет, / С горы не идет'; *Пизем ули – корхтай, / Мани ули – лоткай*. – 'Когда дождь – говорит, / Когда ясно – молчит'. **Гром и молния:** *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирсь тандады (эводи)*. – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Равы испугается'; *Атявозсь кяжеди, / Рвьянсь эводи*. – 'Дедушка злится, / Невеста пугается'. **Гром и град:** *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирнясь кумбраксты*. – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки'. Лексика визуального выражена в лексемах: *аш кургоц* 'ни рта', *аш кялец* 'ни языка', *пизем* 'дождь', *мани* 'ясный', *кашандомс* 'капризничать', *врьгятемс* 'напасть', *кяжедемс* 'обидеться', *эводемс* 'испугаться', *рахамс* 'смеяться', *авардемс* 'плакать', *сельмоветть пярдемс* 'пролить слезы'. В послелогох *пацяфтома, крғанарьфтома, пильгфтома* с суффиксом *-фтома* выражается отсутствие у объекта зрительного восприятия крыльев, горла, ног.

Акша ватат вярге лихть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путьконят пярдихть. – 'По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет' В загадке есть визуальная перцепция, проявляющаяся в словосочетаниях: *акша ватат, вярге лихть, ведь путьконят*. Глаголы выражают легкость: *лиемс* 'лететь', переход из одного состояния в другое: *равчкодомс* 'чернеть'; созидательную силу: *ведь путьконят пярдемс* 'лить капли воды'. Ичкозде сай *оцюня (равжана), / Кяженц мархта сязендьсамань, / Паронц мархта парондсамань*. – 'Издалека придет черный, / Угрожает, страшит /, Добром своим утешает'. Перцептивная лексика обнаруживается в субстантивированных прилагательных *оцюня, равжана* (ср. *оцю* – 'громадный', *равжа* – 'черный'), которые позволяют оценить размер, форму и цвет объекта.

а). Этимология. Обратимся к этимологическим корням в финно-угорских языках, раскрывающих суть обозначенных понятий. В словаре Х. Паасонена лексема *aiam* интерпретируется как гром [Paasonen 1990, Vd. 1, 87]. В этимологическом словаре мокшанское слово *атям(а)* 'гром', в фин. *Ati* 'свёкор', *ätti, äittä, äitä*, 'отец', кар. *ätti*, водск. *äitä*, мар. *äitä, aía*, удм. *ataj*, венг. *atya* 'отец', в эрзянском встречаем *атя* 'старик, пожилой мужчина'; муж, в мокшанском *атя* 'старик', 'дед(ушка)' [Вершинин 2004, Т.1, 22–23]. *Атям*, вероятно, производно от *атя* 'старик'. Такой точки зрения придерживается У. Харва [Harva 1952, 158]. Со словом *атям* обнаруживаются семантические параллели в финском, карельском, марийском, удмуртском, венгерском, водском языках, хотя в них эта лексема не связана с громом. По Н. Ф. Мокшину, *атям* имеет тюркскую этимологию, восходит к тюркским корням, т.к. в тат. *ату* 'стрелять', *ату, атыш* 'стрельба'; каз. *ату, атыс, аталыс* 'стрельба'; кирг. *атарман* 'стрелок' [Мокшин, 74].

Лексема *puŋgiine* соотносится с русским эквивалентом **гром** [Paasonen 1990, Vd. 3, 1853]. В современных исследованиях и словарях лексема *атям* трактуется только как мокшанская, слово *пурьгине* только как эрзянское. В *пурьгине* есть балтийские корни [Вершинин 2009, 383; Мосин, Мосина 2018, 45; Девяткина, Цыпкайкина 2014, 160–165]. По Х. Паасонену, лексема *jondol* интерпретируется как 'молния' [Paasonen 1990, Vd. 1, 526]. Слово получено из словосложения *-dol* м. *tol* 'огонь' и *jon* в значении 'небо' [Вершинин 2004, 73]. Нет полной прозрачности в этимологии лексемы: э., м. *цяхрман, м. страхман* 'град'. Есть соответствия в других языках: *šarakta* алт. *šarak* 'отруби; град (мелкий)', саам. *чуурмас* 'град' [Вершинин 2011, Т.5, 483]. А лексему *чяхрман* тмн., лмб., кузн. причисляют к финно-угорским заимствованиям, из мордовских языков – э., м. *цяхрман* [Насипов 2009, 46]. В русско-мокшанско-эрзянском словаре есть эквиваленты слову 'град' – м. *ковол, туця*; э. *пель, коволкс* [РМЭС 2011, 487].

Подводя итог этимологическим изысканиям, заключаем, что наиболее прозрачными мотивировками, не утратившими связи с называемыми величинами 'небо' и 'огонь', обладает лексема *ёндол* 'молния'; она одинаково звучит в эрзянском и мокшанском языках. Что касается грома и грозы, то для обозначения данных природных явлений есть одна и та же лексема, но по-разному звучащая у обоих субэтносов: м. *атям*, э. *пурьгине*. Первая единица, по этимологическим данным, приближена к таким категориям, как 'старик, отец, свёкор, пожилой мужчина', вторая сохранила балтийский след. Существующие для града м. *ковол*; э. *пель* лексемы имеют генетические параллели в других родственных языках. Глубокий этимологический анализ требуется для слов – э., м. *цяхрман, м. страхман* 'град'.

В русском языке на основании этимологии в родственных европейских языках *Туча* имеет характеристики «густой; густо, часто», «чаща, деревья и кустарники», «крепкий, сильный», «загустевший, свернувшийся», «стягивает, сгущает». *Гром* – «греметь», «шум, треск, ржание, скрежет», «расвирепевший, сердитый, взбешенный». *Молния* – «судья». *Гроза* – «трепет, ужас», «грозить, сердиться», «отвращение, отталкивающий», «страшный, ужасный», «суровый, дикий», «безобразие». Эти оценки даются нами членам совокупных групп, входящих в европейскую ситуацию 'ГРОЗА'.

б). Ассоциации (где четко проявляются мифометафорические модели): В метафорическом строе мордовских загадок отражен ассоциативный ряд зооморфных и антропоморфных существ. **Облака:** *Менельге акша учань стада якай.* – 'По небу ходит стадо белых овец'. **Туча, дождь, гроза** *Сазь равжа траксь, / Сембонди лоща максь.* – 'Пришла черная корова, / Всех молоком напоила'. **Гром и молния:** *Атявозь кяжеди, / Рвянясь эводи.* – 'Дедушка злится, / Невеста пугается'. Для метафорического представления тучи как сферы-источника используется понятийная область «Животное». В мокшанских загадках зооморфные метафорические образы не столь разнообразны: в группе домашних животных в крестьянском хозяйстве есть одно животное – *корова*. Зооморфная метафора имеет эпитет *чёрный равжа траксь*, характеризующий не только образ-метафору, но и скрывающийся за ней образ тучи. Через метафору загадки о туче проступают архетипические черты коровы как хозяйки двора и кормилицы крестьянской семьи, питающую и сочащуюся живительной влагой, т.к. коровье молоко с небес – это и есть переносное значение прохладного дождя, нужного для посевов, деревьев во время зноя. М. А. Тростина рассматривает архетипические черты коровы в сопоставительном аспекте на примерах фольклорного наследия мордвы-мокша, мордвы-эрзя и русских [Тростина 2018].

В русском языке **Туча:** *орлица; птица; белые гуси; сивые бараны; кони буланы; птица орел; у бога сирота; как сажа черна; турски поскоки; в дубу гробница, в гробнице девица; плот.* **Молния:** *блеск; татаруха; Марья-Мария; стрела стременена; мотовило-косовило.* **Гром:** *конь; лошадь строгана; утка; медведь; ворон; воронко; кобыла; (сивый) жеребец; вол; треск; татар; сани саненны; мотовило-косовило; монах, сухари в головах; бежит безун.* **Град:** *горох на двенадцать дорог; каточки; галушки.* Чаще использован зооморфный код.

Аудиокод. При восприятии звуков *Наблюдатель* воссоздает услышанное и сличает его с бывшим опытом, причем воображаемый в сознании ментальный образ имеет ряд характеристик: характер и длительность звучания, удаленность, опасность. Слуховые ощущения отражаются в языке. Например, **тучи, гроза:** *Пацяфтома лии, / Крғанарьфтома ювади.* – 'Без крыльев летит, / Без горла ревет'. При акустических сигналах перемещения летающего объекта в сознании носителей традиции всплывают соответствующие его признаки: летучесть, шум, необходимые при декодировании народной загадки. При вербализации перцептивных впечатлений используют глагол слухового восприятия м. *ювадемс* 'крикнуть, вскрикнуть, закричать' передающий громкие напряженные звуки.

Туча, дождь, гроза: *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди.* – 'Смеется, плачет, / Слезу роняет'. Для обозначения явления природы в данной загадке аудиальная перцепция передается через глагольные формы *рахамс, авардемс*, выступая основными выразителями олицетворяющего образа. При этом здесь виден амбивалентный образ. В фольклоре неживая природа выступает живым существом с контрастными настроениями. Антропоморфные глаголы *рахамс, авардемс* выражают действия и процессы, присущие человеку, смех проявляется положительными эмоциями, а плачь – выражением скорби, печали, они сопровождаются интенсивностью и длительностью, по-разному передавая эмоциональное состояние. Его внешнее выражение – слеза, что опять перекликается с явлениями неживой природы, атмосферными осадками, сопровождающими грозу и молнию. Так устанавливается метафорическая связь.

Гром: *Пизем ули – корхтай, / Мани ули – лоткай.* – 'Когда дождь – говорит, / когда ясно – молчит'. Наглядно-чувственное осмысление грома отображается в загадках мокши в перцептивной лексике *корхтамс, лотксемс*. У грома антропоморфные черты, он похож на человека, обладая даром красноречия и умением молчать. *Аш кургоц, аш кялец, / А пилет панды вайгялец.* – 'Нет ни рта, ни языка, / А голос всех оглушает'. Его отличительной чертой является очень громкий голос – *вайгель*, способный закладывать уши, что передается глаголом *пандомс* с перцептивной семантикой. Загадка подчеркивает способность распространения звуковых колебаний – *омба вели маряви, вайгялец туй*.

Гром и молния: *Вирьста серьядсь, / Пандтста врьгятсь, / Тусь морянь тона пяли.* – 'Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / ушел за моря?'; **Гром и град:** *Вирьста серьяди, / пандста врьгяти, / Равань стирнясь кумбряксты.* – 'Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки'.

В этих загадках звуки передаются аудиальными лексемами: *серьгедемс, врьгятемс, кумбрякстамс*. Глагол звучания *кумбрякстамс* ‘украшать себя венцом из каури’ произведен от существительного *кумбря* ‘нагрудные украшения, подвески’, это ракушка для украшения женских поясов *kumbria* объясняется через *куий рга* ‘змеи олова’, ср. рус. *змеиная головка* [Вершинин 2005, Т. 2, 182–183]. Часто наблюдается синестетическое сочетание нескольких перцептивных впечатлений, что проявляется в последней загадке, когда звуковое впечатление подкрепляется зрительным восприятием, которое эксплицируется с помощью существительных *вирь* и *панда*.

Русские предикаты звучания: 1) **Молния**: *всяк может видеть, но никто не слышит* (негация); 2) **Гром**: *крякнула утка на весь свет чутко; заревел медведь на все горы, на все моря; каркнул ворон на сто городов, на тысячу озер; за горам, за долам жеребец заржал; крикнул вол на сто сел, на тысячу городов; сивый жеребец на все царство ржет; ржет воронко, подает голосок; заржала кобыла; ржет жеребец на перегороде, Слышен его голос в Нове-городе; Заржала кобыла на крутой горе; Услышал молодец в Поморской стороне (Услышала кобыла во сырой земле); ревет ревун; стучит без рук; поп (гром) поет; по-французски говорило, по-немецки отвечало; кого-то позовет; свистнет; крикнет; громко стучит, звонко кричит, а что говорит, никому не понять; на небе стукнет, на земле слышно; Один бает, другой лает; 3) **Град**: *От стука и от грому катились каточки; Стоит дед..., стреляет в бабу галушками; тур свистнет; Поп поет; за блеском треск*. 4) Отсутствует Туча.*

Тактильный код. Есть единичные примеры тактильного кода в загадках мокши. **Тучи, гроза**: *Акша ватат вьярге лихть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путьконят пярдихть*. – ‘По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет’. **Туча, дождь, гроза**: *Рахай – аварди, / Сельмоветть пярди*. – ‘Смеется, плачет, / Слезу роняет’. В этих паремиях угадывается семантическая оппозиция «вверх – низ», вызванная представлениями о верхних и нижних мирах в мифологии. Возникает картина связи неба и земли, струящиеся с неба водные потоки (капли) орошают матушку-землю, обогащают ее влагой.

Русский язык: **Молния**: *Огонь высекает, сырую землю зажигает; сверкнет, без огня горит; птица орел, несет в зубах огонь; летит огневая стрела, никто ее не поймает*: ни царь, ни царица, ни красная девица; *свечи горят*; без огня горит; *блестит, блестит, все кругом чудит; очи ясна сокола; сверкнет; за блеском треск; жар – теплота; Ни огня, ни жару не имею, а все пожигаю; Услышала кобыла во сырой земле; Земля дрожит*.

Глаголы движения. Глаголы движения участвуют в описании явлений неживой природы и моделируются языком в следующих мордовских загадках. **Облака**: *Менельге акша учань стада якай*. – ‘По небу ходит стадо белых овец’; *Вьярге лии, / Алга равжа ки тии*. – ‘По небу летит, / На земле черный след оставляет’; *Пацяфтома лии, / Кргарьфтома ювади*. – ‘Без крыльев летит, / Без горла ревет’; *Ливти сёлмовтомо, / Чи пильгевтеме*. – ‘Летит без крыльев, / Бежит без ног’. **Тучи, гроза**: *Пацяфтома лии, / Кргарьфтома ювади*. – ‘Без крыльев летит, / Без горла ревет’; *Акша ватат вьярге лихть, / Пиньгонь ётазь равчкодыхть, / Ведь путьконят пярдихть*. – ‘По небу летит белая вата, / Время пройдет – чернеет, Капли воды сыплет’; **Туча, дождь, гроза**: *Ичкозде сай оюня (равжана), / Кяженц мархта сязендсамань, / Паронц мархта парондсамань*. – ‘Издалека придет черный, / Угрожает, страшает, / Добром своим утешает’; *Сазь равжа траксь, / Сембонди лофца максь*. – ‘Пришла черная корова, / Всех молоком напоила’; *Лии пацяфтома, / Моли пильгфтома*. – ‘Летит без крыльев, / Идет без ног’; **Гром**: *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Вайгялец туй иневедень тона пяли*. – ‘Из лесу крикнет, / С гор сверкнет, / Голос уходит за моря’. Самое яркое движение эксплицируется в перцептивных лексемах: *якамс* ‘ходить, двигаться; прогуливаться’; э. *ливтямс*, м. *лиемс* ‘лететь, пролететь; мчаться’; *самс* ‘прибыть’, *молемс* ‘идти, шагать, туемс ‘уйти’, в основном, это глаголы поступательного движения. Самый продуктивный глагол *лететь*, а корень *ли-* указывает на сходство славяно-литовских и финно-угорских корней: фин. *lentää, letä* лететь, эст. *lend* полёт, лит. *lekii* лететь, кар. *lendeä* лететь, укр. *лі-, ле-*, польск. *latać, lot* [Вершинин 2005, Т. 2, 212]. Тесно связаны движение и зрительное восприятие. Зрительная перцепция передается глаголами движения, т.е. явление природы характеризуется в мордовских загадках активностью, перемещением в пространстве, не имея никаких препятствий, имея почти свободную траекторию движения, но без крыльев и ног.

В русском языке. Образ **Тучи**: *Конь (лошадь) бежит; Бегут кони буланы, все узды порваны; коней напоила; летит орлица; махнула птица крылом, закрыла весь мир одним крылом; гуси плывут; отворяла ворота; ног нет, а идет; без крыл летит*. **Молния**: *Летит птица без крыла (орел);*

плот *плывет*; *Летела* стрела... *никого не боится*. **Гром**: *мотовило-косовило по поднебесью ходило, всех устрашило*; *Лошадь строгана, бежит, здрагиват*; *Бегут* кони буланы, все узды порваны. Эти словосочетания оцениваются как отрицательные.

Атрибуты. В мокшанских загадках доминируют в основном цветовые тона – **белый** (м. *акша*) и **черный** (м. *равжа*): *акша учань стада* / ‘стадо белых овец’; (*алга*) *равжа ки* / ‘(на земле, внизу) черный след’; *акша ватат* / ‘белая вата’; *равжа траксь* / ‘черная корова’. Цветовые прилагательные имеют прямые значения. В русских загадках маркируются денотаты с точки зрения **цветовой** палитры: *синее небо*; *синее море*: *сивые бараны*; *белые гуси*; *Русь бела, как сажка черна*; *шерсть черна соболя*. Атрибуты в загадках о грозе выявлены в небольшом количестве.

Аксиология. Аксиологическая модель строится на оппозициях, как то: «Благо» / «Зло», «Плохо» / «Хорошо», «Красиво» / «Некрасиво», «Свой» / «Чужой», «Правильно» / «Неправильно». Рассмотрим специфику ценностной картины мира на мордовских загадках, корпус которых невелик. **Ветер, дождь, молния, гром**: *Лиемац шуваня, / Аиксоц эчке, / Каямац мазы, / Эвгонец кяжи*. – ‘Основа тонкая, / Уток толстый, / Челнок крепкий’, / Бёрдо злое. **Гром**: *Арась кургозо, / Арась келезэ, / Но пилеть глуши вайгелезэ*. – ‘Ни рта, ни языка, / Но голосом своим оглушает’; *Иневедень томбальде / Ине атя (баба) сеери*. – ‘За большой водой, / Старик (старуха) кричит’. **Гром и молния**: *Вирьста серьгедсь, / Пандста верьгедсь, / Равонь тейтерь тандавтьсь*. – ‘Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / Волжаночку спугнул’; **Туча, дождь, гроза**: *Сазь равжа траксь, / Сембонди лофца макссь*. – ‘Пришла черная корова, / Всех молоком напоил’а. Ичкозде сай оцюня (равжана), / **Кяженец мархта сязендсамань, / Паронц мархта парондсамань**. – ‘Издалека придет черный, / Угрожает, страшит, / Добром своим утешает’. Гармония мира нарушается вмешательством неведомой силы извне, которая идет издалека, *ичкозде*. Природный объект огромных размеров и черного цвета имеет амбивалентный характер, т.е. привлекается оценочный компонент. С одной стороны, он свиреп, готов разорвать – *сязендсамань*, т.к. проявляет злобу и гнев, что выражено в предложной группе *кяженец мархта*. А с другой, – выступает добродетелем – *паронц мархта*, может покровительствовать *парондсамань*.

Пространственные локусы грома в мокшанских и эрзянских загадках – *вирь* / ‘лес’, *иневедь* / ‘море (букв. великая вода)’ и *панда* / ‘гора’. **Гром**: *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Вайгялец туй иневедень тона пяли*. – ‘Из лесу крикнет, / С гор сверкнет, / Голос уходит за моря’; *Вярибантт тандады, / Алубантт кашанды*. – ‘На горе ржет, / С горы не идет’; *Пандста тандады, / Омба вели маряви*. – ‘С горы ржет, / В другом селе слышно’. **Гром и молния**: *Вирьста серьгедсь, / Пандтста врьгятьсь, / Тусь морянь тона пяли*. – ‘Из лесу крикнул, / С горы сверкнул, / ушел за моря’; *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет’; *Вирьста серьгяди, / Пандста врьгяти, / Равань стирсь тандады (эводи)*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Равы испугается’. **Гром и град**: *Вирьста серьгяди, / пандста врьгяти, / Равань стирнясь кумбряксты*. – ‘Из лесу крикнет, / С горы сверкнет, / Дочь Волги бросает бусинки’. Т.о., в мифопоэтической традиции восприятие объекта предполагает его оценку. Приведенные признаки скрытого денотата в традиции ценностей этноса тяготеют скорее к отрицательному полюсу, чем положительному. Притягивают и такие положительные характеристики, как: *паронц мархта парондсамань, сембонди ловца макссь*. Отталкивают или даже вызывают отвращение такие признаки: *эвгонец кяжи, пилеть глуши вайгелезэ, сеери, тандавтьсь, кяженец мархта, сязендсамань, серьгяди, тандады, врьгяти*.

В русском языке. **Молния**: Орлица *крылья распластала, солнышко застлала*; *Закрывает весь мир* одним крылом; все узды *порваны, ни сесть, ни поглядить, ни плеткой ударить*; *Русь бела как сажка черна*; Что *без огня горит?* *Турски поскоки, оленьи поглядки*; На поле Царынском стоит дуб Саратынский, *в дубу гробница, в гробнице девица, Огонь высекает, сырую землю зажигает*; *Сверкнет*, мигнет, кого-то позовет; Летит птица орел, *несет в зубах огонь, посередине его человечья смерть*; Ни огня, ни жару не имею, а *всех пожигаю*; Летит *огневая стрела, никто ее не поймает*: ни царь, ни царица, ни красная девица; Летела стрела стременина мимо города немецка, *никого не боится: ни царя, ни царицы, ни красны девицы, ни ребенка в зыбке*. **Гром**: *Мотовило-косовило по поднебесью ходило, всех устрашило, По-французски говорило, по-немецки отвечало. Конь бежит, земля дрожит; Бьет охотник без ружья; Крякнула утка на весь мир* чутко; *Заревел медведь на все горы, на все моря*; Каркнул ворон *на сто городов, на тысячу озер*; *За горами за долами жеребец заржал*; Крикнул вол *на сто сел, на тысячу городов*; Сивый жеребец *на все царство ржет*; Ржет жеребец на перегороде, *слышен его голос в Нове-городе*; Ржет воронко перед загородкой, *подаёт голосок на иной городок*; Заржала кобыла на крутой горе, *Услышал молодец в Поморской стороне*; Ржет жеребец на крутой горе, *услышала кобыла во сырой земле*. Такая ситуация при-

носит страхи: смерть, пожар, исчезновение солнца; отсутствие света; земля загорается; в дереве гробница; огонь; молния сверкает, никого не боится; мимо города немецка; непонятные языки; земля дрожит; медведь ревет; бьет без ружья.

Выводы

В анализируемых примерах присутствуют маркеры как перцептивной, так и оценочной ситуации. Эмоциональная составляющая человека усиливает эмоции, дополняя антропоцентричность картины мира, где природа занимает важное место. Традиционно выделяемые негативные чувства человека *при грозе* – страх, ужас, удивление, отчаяние и даже злость – взаимосвязаны с картинами природы. Силам природы противопоставлен человек, чувствующий себя незащищенным. В рамках событийной ситуации ‘ГРОЗА’ эксплицитно выражены негативные эмоции, т.е. описание природных катаклизмов. Человек-персонаж выступает внешним Наблюдателем или, возможно, участником этой ситуации.

Итак, при восприятии описываемого феномена в *мордовских* загадках четко обнаруживаются перцептивно-выделяемые зооморфно-антропоморфные черты: отсутствие крыльев, горла, ног; обладание сильным голосом / оглушительным криком, красноречием / молчанием; характерная подвижность и легкость; эмоциональная аффективность, что наводит страх и испуг на *Наблюдателя*. Чувственное восприятие грозы в архаическом сознании происходит не только через внешние физические характеристики, но и пространственные координаты: движение из леса / горы в направлении моря. Через метафорический строй загадки проявляются важнейшие виды производственной деятельности – пастушество, овцеводство, скотоводство, земледелие. В языке мордовской загадки закреплены важные для социальной жизни понятия добра, блага, зла. Типичными колоративами выступают *белый, черный*.

В *русских* загадках наиболее эксплицитно проявляются эмоции *страха* от влияния стихии на внешний и внутренний мир коллективного *Наблюдателя*. В аудиокоде фиксированы разговоры на *непонятных* людям языках, свист, крик, зов, стук, треск, даже стрельба, звуки домашних и диких животных. Тактильный код демонстрирует, что в загадках о грозе чаще актуализируются идеи *пожара, света, блеска*, а также тревоги из-за «непонятного» человеку *передвижения животных и дрожь земли*. Атрибуты ограничены тремя видами цвета: *синий, белый и черный* (по два раза) и один раз *сивый*, т. е. человек не видит все краски *Наблюдаемого*. В отношении *Наблюдаемого* аффективны ментальные, психо-эмоциональные состояния.

В результате анализа следует уточнить, что в целом мордовские и русские загадки о грозе почти всегда реализуются по-своему. Вероятно, это связано с тем, что в архаические времена у разных племен нерасчлененность мышления порождала явления тождества *разнородных предметов*; где каждая вещь воспринималась чувственно, а образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета – то, что было видимо и осязаемо. Однако, несмотря на то, что многообразие не осознавалось, оно все же когда-либо *объективно со временем начинало отражаться* в метафорическом образе, но *в разное время* представляло собой отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливались в форму некой конкретной предметности. Этот образ – производное от мифотворческого мышления со всеми законами мифотворческого восприятия пространства, времени и причины, с его слитностью субъекта и объекта. В результате у каждой нации создается особая картина мира. Представления о временах года как явлениях природы также связано в народном сознании с определенными образами.

Итак, основная цель нашей работы состояла в выявлении характера связи, существующем между человеком и природой, а также в исследовании мифоконцепта ГРОЗА и его языковой репрезентации в старинных загадках. Нам было важно понять роль изучаемого концепта в рамках отношений между мордовским и русским материалом, которые раскрыли взаимодействия таких категорий, как «человек – природа». В ходе проведенного анализа удалось прийти к ряду выводов, которые доказывают, что восприятие, осмысление и оценка природы в разных языках не всегда происходит в рамках единой когнитивно-информационной ситуации, а основаны на разном социальном и индивидуальном опыте реципиента. И эти процессы в большинстве случаев проходят не одномоментно.

ЛИТЕРАТУРА

- Болдырев Н. Н.* Антропометрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка, 2017. Вып. XXVIII. С. 20–81.
- Верхотурова Т. Л.* Фактор Наблюдателя в языке науки: монография. Иркутск, ИГЛУ, 2008. 289 с.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 1. Йошкар-Ола: Стринг, 2004. 123 с.; 2005. Т. 2. С. 123–238; 2005. Т. 3. С. 239–355; 2009. Т. 4. С. 356–468. 2011. Т. 5. С. 469–547.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 2. Йошкар-Ола: Стринг, 2005. С. 123–238.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 3. Йошкар-Ола: Стринг, 2005. С. 239–355.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 4. Йошкар-Ола: Стринг, 2009. С. 356–468.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. В 5 томах. Т. 5. Йошкар-Ола: Стринг, 2011. С. 469–547.
- Гробицкая А. М.* Дискурсивно-семантический анализ событийного макродискурса: на материале англоязычных газетных текстов: дис. ... канд филол. наук. СПб, 2013. 344 с.
- Десяткина Е. М., Цыпкайкина В. П.* Структурно-семантический и словообразовательный анализ ме-теорологической лексики мордовских языков // Научное мнение, 2014. № 9-1. С. 16–165.
- Заботкина В. И.* Антропометрический принцип как методологическая основа когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка, 2017, вып. XXX. С. 51–54.
- Карасик В. И.* Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 382 с.
- Маковский М. М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Владос, 1996. 416 с.
- Мецержакова О. А.* Семантика перцепции в аспекте художественной когниции И. А. Бунина: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2011. 51 с.
- Мецержакова О. А., Шестеркина Н. В.* Мотив иерофании в рассказе В. Набокова «Гроза» // Фольклорный текст в современном культурном контексте: традиция и ее переосмысление. Орел: Орловский ГУ, 2016. С. 95–104.
- Митрофанова В. В.* Загадки. Л.: Наука, 1968. 254 с.
- Мошкин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998. 246 с.
- Мордовские загадки / Сост. К. Т. Самородов. Саранск, 1987. 288 с.
- Мосин М. В., Мосина Н. М.* Лексика мордовских языков в историческом освещении. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2018. 128 с.
- Мотейюнайте И. В.* Библийская аллюзия в рассказе В. В. Набокова «Гроза» // Филологические науки: Вестник Череповецкого ГУ, 2016. № 2. С. 38–41.
- Насипов И. С.* О мордовских заимствованиях в татарском языке // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 4 (16). С. 44–47.
- Петрухин В. Я.* Женидьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян в восточной Европе // Славяноведение. 2006. № 2. С. 31–36.
- (РМЭС) Русско-мокшанско-эрзянский словарь = Рузонь-мокшень-эрзянь валкс: более 14 тысяч слов / Поволжский центр культур финно-угорских народов / Под ред. Ю. А. Мишанина. Саранск, 2011. 531 с.
- Сапрыкина М. В.* Мотив ветра и его функции в рассказе В. Набокова «Гроза» // Вторые Щеулинские чтения. Липецкий гос. ун-т им. П.П. Семенова-Тянь-Шанского. 2018. С. 250–253.
- (СМ) Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М.: Международные отношения, 2011. 512 с.
- (СД) Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 2014. 697 с.
- (ССЗ) Словарь символов и знаков. М., Минск, 2006. 240 с.
- Смирнов И. Н.* Мордва: историко-этнографический очерк. Саранск, 2002. 296 с.
- Топорова Т. В.* Об антропоцентризме эпического слова // Научный вестник Воронежского ГАСУ. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2016. № 1 (29). С. 19–26.
- Тростина М. А.* Архетип коровы-кормилицы в фольклоре русских и мордвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-1 (90). С. 62–65.
- Фисенко О. С.* Концепт ГРОЗА в русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, ВГУ, 2005. 24 с.

Хомякова Е. Г. Эгосфера: ее моделирование и содержание // Антропоцентризм в языке и речи. СПб, 2003. С. 3–12.

Хомякова Е. Г., Петухова Т. И., Тимченко Н. М. Антропометричность концепта NATURE в англоязычном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. С. 47–57.

Юртов А. Ф. Образцы мордовской народной словесности. Казань: Православное миссионерское общество, 1883. Вып. 2. 308 с.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 S.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. I. 557 S.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch = Мордовский словарь. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1994. Bd. III. S. 1306–1927.

Поступила в редакцию 10.11.2021

Ваганова Елена Николаевна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры немецкой филологии,

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

430005, г. Саранск, Россия, Большевикская ул. 68

e-mail: waganowa@mail.ru

Шестеркина Наталья Викторовна,

доктор филологических наук,

профессор кафедры теории речи и перевода,

Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева

430005, г. Саранск, Россия, Большевикская ул. 68

e-mail: nvshest@mail.ru

Vaganova E. N., Shesterkina N. V.

“THUNDERSTORM” AS A NATURAL EVENT SITUATION

(on the material of Mordovian and Russian riddles)

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-606-617

Folk riddles about a natural complex phenomenon “THUNDER” in Mordovian (Moksha and Erzya) and Russian languages, in which ethnic complexes and individual units of a given situation are realized in one or another language, were the material for this article. The selected material allows us to characterize the mechanisms of interaction between language and culture through mythology, perception, as well as video code (including etymology and mythometaphorization), tactile and audio codes, attributes and axiology. This complex approach allows defining and describing in detail the relationship between a person (an Observer) and nature (Observed) in terms of the perceptual and evaluative situation. The chosen method, combining a definitional and a cognitive-semantic analysis, and also an algorithm of research of an emotive potential of a concept “THUNDER”, define its novelty, relevance and timeliness of an analysis made.

Keywords: comparative aspect, folk riddles, Observer, natural complex, event situation, mythology, video code, audio code, axiology.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp.606–617

REFERENCES

Boldyrev N. N. Antropometricheskaya teoriya yazyka. Teoretiko-metodologicheskie osnovy [Anthropocentric theory of language. Theoretical and methodological foundations]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2017, issue XXVIII, pp. 20–81. In Russian.

Verkhoturova T. L. Faktor Nablyudatelya na yazyke nauki: monografiya [Observer factor in the language of science: monograph]. Irkutsk, IGLU Publ., 2008. 289 p.

Vershinin V. I. *Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov: V 5 t.* [Etymological dictionary of the Mordovian (Erzyan and Mokshan) languages: in 5 vol.]. Yoshkar-Ola, String Publ., 2004. Vol. 1. 123 p.; 2005. Vol. 2. pp. 123–238; 2005. Vol. 3. pp. 239–355; 2009. Vol. 4. pp. 356–468; 2011. Vol. 5. pp. 469–547. In Russian and Mordovian.

Grobitskaya A. M. *Diskursivno-semanticheskii analiz sobytiinogo makrodiskursa: na materiale angloazychnykh gazetnykh tekstov*: Dis. kand. filol. nauk [Discursive-semantic analysis of event macrodiscourse: based on English newspaper texts. Cand. philol. sci. diss.]. SPb, 2013. 344 p. In Russian.

Devyatkina E. M., Tsyпкаikina V. P. Strukturno-semanticheskii i slovoobrazovatel'nyi analiz meteorologicheskoi leksiki mordovskikh yazykov [Structural-semantic and derivational analysis of meteorological vocabulary in the Mordovian languages]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2014, no. 9–1, pp. 160–165. In Russian.

Zabotkina V. I. Antropometricheskii printsip kak metodologicheskaya osnova kognitivnykh issledovaniy [Anthropometric principle as a methodological basis for cognitive research]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive language studies], 2017, issue XXX, pp. 51–54. In Russian.

Karasik V. I. Yazykovoe proyavlenie lichnosti [Linguistic manifestation of a personality]. Moscow: Gnozis Publ, 2015. 383 p. In Russian.

Makovskii M. M. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simvoliki v indoevropskikh yazykakh* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages]. Moscow, Vldos Publ., 1996. 416 p. In Russian.

Meshcheryakova O. A. *Semantika pertseptsii v aspekte khudozhestvennoj kognitsii I. A. Bunina: Avtoref. dis. doc. filol. nauk*. [Semantics of perception in the aspect of I. A. Bunin's artistic cognition. Extended abstract of Doc. filol. sci. diss.]. Elets, 2011. 51 p. In Russian.

Meshcheryakova O. A., Shesterkina N. V. Motiv ierofanii v rasskaze V. Nabokova «Groza» [The motive of hierophany in V. Nabokov's story "The Thunderstorm"]. *Folklornyi tekst v sovremennom kulturnom kontekste: traditsiya i ee pereosmyslenie* [Folklore text in a modern cultural context: tradition and its rethinking]. Orel: Orlovskii GU Publ., 2016. pp. 95–104. In Russian.

Mitrofanova V. V. Zagadki [Riddles]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 254 p. In Russian.

Mokshin N. F. *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordovians]. Saransk, Mordov. kn. izd-vo Publ., 1998. 246 p. In Russian.

Mordovskie zagadki [Mordovian riddles]. Sost. K. T. Samorodov. Saransk, 1987. 288 p. In Russian.

Mosin M. V., Mosina N. M. *Leksika mordovskikh yazykov v istoricheskom osveshchenii* [Vocabulary of the Mordovian languages in historical coverage]. Saransk, Izd-vo Mord. un-ta Publ., 2018. 128 p. In Russian and Mordovian.

Moteyunaite I. V. Bibleiskaya allyuziya v rasskaze V. V. Nabokova «Groza» [Biblical allusion in V.V. Nabokov's story "Thunderstorm"]. *Filologicheskie nauki: Vestnik Cherepovetskogo GU* [Philological sciences: Bulletin of the Cherepovets State University], 2016, no. 2, pp. 38–41. In Russian.

Nasipov I. S. O mordovskikh zaimstvovaniyakh v tatarskom yazyke [About the Mordovian borrowings in the Tatar language]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2009, no.4 (16), pp. 44–47. In Russian.

Petrukhin V. Ya. Zhenit'ba Gromoverzhtsa. Baltiisko-finskii mifologicheskie patalleli i problemy nachel'noi etnicheskoi istorii baltov, finnov i slavyan v vostochnoi Evrope [God of Thunder's marriage. Baltic-Finnish mythological parallels and the problems of early ethnic history of the Balts, Finns and Slavs in Eastern Europe]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2006, no. 2, pp. 31–36. In Russian.

RMES – *Russko-mokshansko-erzyanskii slovar': bolee 14 tysyach slov*. Povolzhskii zentr kultur finno-ugorskikh narodov. Pod red. Yu. A. Mishanin. Sost. V. I. Shchankina, A. I. Kochevatkin, S. A. Mishina [Russian-Moksha-Erzyan dictionary: more than 14 thousand words. Povolzhsky center of cultures of the Finno-Ugric peoples. Edited by Yu. A. Mishanin. Compilers V. I. Shchankina, A. I. Kochevatkin, S. A. Mishina]. Saransk, 2011. 531 p. In Russian and Mordovian.

Saprykina M. V. Motiv vetra i ego funktsii v rasskaze V. Nabokova „Groza“ [The motif of the wind and its functions in V. Nabokov's story „The Thunderstorm“]. *Vtorye shcheulinskie chteniya* [Second Sheulin Readings]. Lipetsk State University named after P. P. Semenov-Tien Shanskiy, 2018, pp. 250–253. In Russian.

SM - *Slavyanskaya mifologiya: entsyklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow, International Relations Publ., 2011. 509 p. In Russian.

SD - *Slavyanskii drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': V 5 t. Pod obshch. red. N. I. Tolstogo* [Slavic antiquities: ethnolinguistic Dictionary: in 5 vol. Under the general edit. of N. I. Tolstoy]. Moscow, International Relations Publ., 2004. Vol 3. 697 p. In Russian.

SSZ - *Slovar' simvolov i znakov. M. V. Adamchik* [Dictionary of symbols and signs. M. V. Adamchik]. Moscow, AST Publ., Minsk: Kharvest Publ., 2006. 239 p. In Russian.

Smirnov I. N. *Mordva: istoriko-etnograficheskii ocherk* [Mordva: Historical and Ethnographic Essay]. Saransk, 2002. 296 p. In Russian.

Toporova T. V. Ob antropotsentrizme epicheskogo slova [On the anthropocentrism of the epic word]. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledo-*

vaniya [Scientific bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: Modern linguistic and methodical-didactic research]. 2016, no. 1 (29), pp. 19–26. In Russian.

Trostina M. A. Arkhetip korovy-kormilitsy v folklore russkikh i mordvy [Cow-nurse archetype in the Russians' and the Mordovians' folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. 2018, no. 12–1 (90), pp. 62–65. In Russian.

Fisenko O. S. Kontsept Groza v russkom yazykovom soznanii [The Thunderstorm concept in Russian linguistic consciousness. Extended abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Voronezh, Voronezh State University, 2005. 24 p. In Russian.

Khomyakova E. G. Egosfera: ee modelirovanie i sodержanie [Egosphere: its modeling and content]. *Antropotsentrizm v yazyke i rechi*. [Anthropocentrism in language and speech]. St. Petersburg, 2003, pp. 3–12. In Russian.

Khomyakova E. G., Petukhova T. I., Timchenko N. M. Antropometrichnost' kontsepta NATURE v angloyazychnom diskurse [Anthropometricity of the NATURE Concept in English-Speaking Discourse]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* [Cognitive linguistics issues], 2018, issue 4, pp. 47–57. In Russian.

Yurtov A. F. *Obraztsy mordovskoi narodnoi slovesnosti* [Samples of Mordovian folk literature]. Kazan, Orthodox Missionary Society, 1883, issue 2. 308 p. In Russian and Mordovian.

Harva U. Die religiösen Vorstellungen der Mordwinen. Helsinki, 1952. 456 S. In German.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1990, Bd. I. 557 S. In Russian, Mordovian and German.

Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura, 1994, Bd. III. S. 1306–1927. In Russian, Mordovian and German.

Received 10.11.2021

Elena Nikolaevna Vaganova,
Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Research Mordovia State University,
68, Bol'shevistskaya St., Saransk, 430005, Russia,
e-mail: waganowa@mail.ru

Natalya Victorovna Shesterkina,
Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Research Mordovia State University,
68, Bol'shevistskaya St., Saransk, 430005, Russia,
e-mail: nvshest@mail.ru